

В его взгляде не было ни страха, ни заискивания — лишь необъяснимая, кристальная чистота.

Император молчал. Он смотрел на этого ребенка, словно на совершенно чужого человека.

Да, именно чужого.

Сколько лет он не видел этого мальчика? Три? Пять? Или того больше? В памяти всплывала лишь та невысокая наложница из прислуги — нелюбимая, рано ушедшая из жизни, оставившая после себя ребенка, которого бросили в холодном дворце и о котором с тех пор никто не вспоминал.

Он был уверен, что мальчик давно мертв. В глубинах дворца такие вещи случались сплошь и рядом, и никто не считал нужным докладывать об этом императору.

Но теперь этот ребенок стоял перед ним, держа в руках Книгу сыновней почтительности, написанную собственной кровью, и желал ему долголетия.

Внезапно раздался тихий смешок.

— Кровавое письмо? Как занятно, — проговорила старшая принцесса, сидевшая по левую руку от императора. Она крутила в руках круглый веер, и на её губах играла полуулыбка. — Впервые вижу, чтобы подносили такой подарок.

Её поддержала третья принцесса. Она прикрыла рот ладонью, пряча смех, но глаза её так и бегали по фигуре Юань-эра.

— И правда, — подхватила она. — Кровавое письмо, какая свежая идея.

Юань-эр стоял не шелохнувшись. Его пальцы вцепились в края рукавов, но лицо оставалось бесстрастным.

Он вспомнил вчерашнюю ночь, тусклый свет масляной лампы в холодном дворце и Ли Лина, который перевязывал рану на собственном запястье, глядя ему прямо в глаза:

— Завтра над тобой будут смеяться. Запомни: не бойся. Они смеются, потому что никогда такого не видели. Чего люди не видели, то вызывает у них насмешку. Позволь им посмеяться. Когда закончат — тогда и говори.

— Что говорить? — спросил тогда мальчик.

Ли Лин ответил:

— Говори то, что должен.

Теперь он знал, что именно должен сказать.

— Седьмой брат, — принц-наследник стоял неподалеку, с той же насмешливой улыбкой глядя на него. — Твоя Книга сыновней почтительности написана, право, с таким... усердием. Но над почерком тебе стоит как следует поработать.

Кое-кто из присутствующих прыснул. Смех был тихим, но его было много.

Император не прервал их, не проронил ни слова. Он просто смотрел на Юань-эра, словно чего-то ожидая.

Юань-эр поднял голову и посмотрел на наследника. Голос его был негромким, но отчетливым:

— Брат-наследник прав. Я еще мал, пишу некрасиво, и этим вызвал лишь вашу насмешку.

Он выдержал паузу и чуть приподнял подбородок:

— Мне всего семь лет. У меня нет ни редких сокровищ, ни драгоценностей — лишь искреннее сыновнее сердце. Почерк можно отточить со временем, но сыновняя любовь не терпит отлагательств.

Улыбка на лице наследника застыла. Веер старшей принцессы замер. Насмешки смолкли.

Взгляд императора изменился. Он смотрел на ребенка, и в глубине его глаз что-то мелькнуло.

Эти слова не были случайными. Они были подготовлены. Но когда мальчик произнес их, тон его был настолько естественным, будто это был врожденный дар. Как ребенок, выросший в холодном дворце, мог обладать таким мастерством?

Юань-эр стоял и наблюдал за переменами на их лицах. Он вспомнил, как ночью Ли Лин сказал:

— Некоторые скажут, что это дурной знак. Пролить кровь в такой радостный день — к несчастью. Запомни: не торопись. Выслушай их до конца. А потом спроси: когда празднуешь свой день рождения, чего ты хочешь на самом деле — искренности или просто подарков?

— А потом?

— А потом неважно. Пусть сами ломают голову.

Теперь он знал, как поступить.

Старшая принцесса сложила веер и улыбнулась:

— Седьмой принц умеет говорить. Однако... — она сделала паузу, глядя на кровавое письмо, — тело, волосы и кожа — дар родителей. В такой великий праздник резать себя ради письма — не дурной ли это знак?

Юань-эр посмотрел на неё. Взгляд его был спокоен, голос ровен:

— Старшая сестра, в Книге сыновней почтительности сказано: тело, волосы и кожа даны родителями, и беречь их от повреждений — начало сыновней почтительности.

Принцесса опешила, не ожидая, что этот ребенок действительно читал книгу.

Юань-эр продолжил:

— Но там есть и продолжение: реализовать себя, идти по верному пути, прославить свое имя в веках и тем возвеличить родителей — вот венец сыновней почтительности.

Он смотрел принцессе прямо в глаза:

— Я еще мал, чтобы вершить великие дела. Но я подумал: отдать себя отцу-императору, используя дарованную им кровь, чтобы написать преподанную им Книгу — разве это можно считать повреждением тела?

Старшая принцесса открыла рот, но не нашла, что ответить.

В зале воцарилась тишина. Кто-то судорожно вздохнул. Этот ребенок... как он посмел? Но каждое его слово было безупречно, и придаться было не к чему.

Третья принцесса, однако, не смирилась. Она громко заявила:

— Даже если это не повреждение, кровь в такой день — плохая примета. Отец празднует долголетие, а ты принес кровь. С какими мыслями ты пришел?

Юань-эр повернулся к ней. От его взгляда у принцессы екнуло сердце — он совсем не походил на семилетнего ребенка.

— Третья сестра, — сказал Юань-эр, — позволь спросить: в твой день рождения чего ты хочешь больше всего?

Принцесса растерялась:

— О чем ты?

— В твой день рождения, — повторил Юань-эр, — чего ты хочешь больше всего?

Принцесса задумалась:

— Конечно, чего-то самого ценного, самого редкого...

— А если бы это был мой день рождения, — перебил её Юань-эр, — чего бы я хотел больше: чтобы ты искренне ко мне относилась или чтобы прислала гору подарков?

Принцесса умолкла.

Юань-эр снова повернулся к императору, голос его смягчился:

— У меня нет ценных даров, лишь это сердце. Если отец-император не побрезгует им, я буду счастлив.

В зале стояла гробовая тишина. Наложницы обменивались взглядами, принцы и принцессы переглядывались. На слова ребенка нечего было ответить.

Но нашлись и те, кто не желал сдаваться. Де-фэй, до сих пор молчавшая, вдруг подала голос. Тон её был мягким, но слова — ядовитыми:

— Седьмой принц говорит красиво. Но все эти годы ты никогда не приходил к императору с приветствием, никогда не появлялся на пирах, почему же в этом году внезапно пришел? Да еще и с... с этими ранами?

Она замолчала, её взгляд упал на колени Юань-эра, а затем переметнулся на лицо:

— Откуда эти раны?

Все проследили за её взглядом и только теперь заметили состояние коленей мальчика. Раньше он стоял, плотно сдвинув ноги, и никто не обращал внимания. Теперь же было видно, что колени обмотаны тканью, сквозь которую проступили свежие пятна крови.

Взглянув на лицо ребенка, бледное, как полотно, с обескровленными губами, люди содрогнулись.

Взгляд императора также упал на колени мальчика. Его брови едва заметно дрогнули.

Юань-эр чувствовал на себе эти взгляды. Он знал, что они видят его раны. Он вспомнил ночные слова Ли Лина:

— Если кто-то спросит о ранах, покажи им.

— А потом?

— А потом... поступай по ситуации. Расскажи столько, сколько сможешь. А чего не сможешь — я скажу за тебя.

Он вспомнил, как бледно выглядел Ли Лин, когда говорил это, как толсто были обмотаны его запястья, сквозь которые сочилась кровь. Но сам Ли Лин стоял перед ним с таким спокойным голосом и холодным взглядом, будто всё происходящее было им предусмотрено.

И теперь вопрос был задан. Именно так, как предсказывал Ли Лин.

Раздался голос императора:

— Я спрашиваю тебя.

Голос был негромким, но все вокруг разом замолчали. Император смотрел на Юань-эра, взгляд его был спокоен, гнев или радость прочесть было невозможно:

— Откуда эти раны?

Юань-эр встретился с ним взглядом, и сердце его пропустило удар. Но он не отвел глаз.

Слегка поклонившись, он ответил ровным голосом:

— Отвечаю отцу-императору: эти раны — следы побоев.

Голос Юань-эра был тихим, но каждое слово отчетливо прозвучало в ушах каждого присутствующего. Зал мгновенно погрузился в пугающую тишину. Все замерли.

Побой? Били принца?

Взгляд императора потяжелел. Он молчал, не сводя глаз с Юань-эра.

Мальчик стоял, выпрямив спину. В его больших глазах не было ни слез, ни испуга — лишь невыразимая... чистота.

Он вспомнил слова Ли Лина:

— Завтра, если спросят о ранах, говори правду. Не бойся, не прячься. Это их дела, не твои. Бояться должны они.

— Но если... — сомневался тогда он. — Если отец-император не поверит?

Ли Лин посмотрел на него:

— Он поверит.

— Почему?

— Потому что дело не в вере тебе, — в глазах Ли Лина была бездонная глубина. — Дело в том, что попрали его авторитет. Кто-то тронул его сына. Признает он этого сына или нет — это значит, что тронули его собственность. А этого император стерпеть не может.

Теперь, глядя в глаза отцу, он понял, что Ли Лин снова был прав. В этом взгляде не было ярости, лишь пугающая, непонятная глубина.

— Кто бил? — спросил император.

Голос был тихим, но каждый уловил в нем сталь.

Юань-эр глубоко вздохнул и начал называть имена одно за другим.

— Евнух Сунь из Управления внутренних дел. Люди из Восточного двора. И еще несколько... которых я не знаю.

Голос его не дрожал:

— За полмесяца до дня рождения отца-императора, Ли... слугу, который прислуживал мне, забрали в Восточный двор. С тех пор каждый день к нам в холодный дворец приходили люди. Перелезали через стены, ломали двери, кидали камни. Я прятался, а они искали. Находили — и били.

Он помолчал и закатал рукав. На тонкой руке, покрытой синяками и ссадинами, старые следы перемежались с новыми. Зрелище было ужасающим.

Кто-то в зале невольно ахнул. Взгляд императора упал на руку, зрачки его сузились.

Юань-эр чуть потянул вверх штанину, обнажая рану на колене. Ткань пропиталась новой кровью — рана явно не заживала.

— Это было в последний раз. Я не успел спрятаться, меня вытащили из-за сарая и бросили на землю.

Он говорил так спокойно, словно рассказывал о ком-то другом. И именно это спокойствие пугало больше всего. Семилетний ребенок, которого били до полусмерти, стоял здесь и с такой невозмутимостью перечислял свои страдания. Сколько же раз его должны были избить, чтобы он привык к этому?

В зале началось беспокойство. Лицо Де-фэй изменилось, она отступила на полшага. Третья принцесса не смела больше смотреть на Юань-эра и опустила голову. Веер в руках Ли-фэй, который она сжимала до побелевших костяшек, замер.

Император молчал. Он сидел, глядя на Юань-эра, глядя на эти раны. Атмосфера в зале становилась всё более гнетущей. Кто-то хотел что-то сказать, но, открыв рот, тут же закрыл его. В такой момент любое слово могло привести к беде.

Наконец император заговорил:

— Управление внутренних дел. — Он произнес это так буднично, словно читал меню. Но лицо главного евнуха стало белее мела. — Восточный двор. — Император назвал еще одно имя. Если бы тот средних лет евнух, который угрожал Ли Лину, был здесь, у него, наверное, подкосились бы ноги.

Взгляд императора прошелся по залу. Те, кто только что смеялся, теперь низко опустили головы, мечтая провалиться сквозь землю. Те, кто отпускал колкости, не смели даже вздохнуть.

— Мой сын, — голос императора был негромким, но каждое слово вонзалось в сердца, — в моем дворце, был избит до такого состояния.

Он помолчал.

— Почему я об этом не знал?

Никто не осмелился ответить. Юань-эр стоял и наблюдал за происходящим. Он вспомнил ночные слова Ли Лина:

— Завтра, когда договоришь, больше ничего не говори. Дальше — не твое дело.

— А чье?

— Это дело императора, — ответил Ли Лин. — Запомни: они обижают тебя не потому, что ненавидят, а потому, что им плевать. Но они забыли: если им плевать на тебя, значит, им плевать на императора. Этого император проглотить не сможет.

Теперь он понял, что это значило. Его отец-император был в ярости. Не из-за него, а из-за дерзости этих людей. Потому что кто-то посмел посягнуть на собственность императора, пусть даже эта собственность годами пылилась в углу.

Юань-эр вспомнил еще одну фразу Ли Лина:

— В этом дворце лучше внушать страх, чем уважение. Но лучше, чем страх — заставить императора почувствовать, что ты — его человек.

Теперь он был человеком императора. По крайней мере, в этот момент.

Взгляд императора вернулся к нему.

— Тот слуга, — спросил он, — как его зовут?

Сердце Юань-эра пропустило удар. Он вспомнил слова Ли Лина:

— Завтра, если император спросит обо мне, не произноси ни слова.

— Почему?

— Потому что ты — принц, а я — раб. Весь свет, который ты сегодня источаешь, должен исходить от тебя самого. Нельзя, чтобы кто-то сказал, что тебя научил раб, нельзя, чтобы говорили, будто за твоей спиной кто-то стоит. Понял?

Тогда он не совсем понимал, но запомнил. Теперь, глядя в глаза отцу, он выкинул всё лишнее из головы.

— Отвечаю отцу-императору, — сказал он ровным голосом, — я не знаю.

Император приподнял бровь:

— Не знаешь?

— Я называю его... называю просто евнухом, — сказал Юань-эр. — В холодном дворце никого нет, только он один. Как я его зову, так он и откликается. Я никогда не спрашивал его имени.

Это было полуправдой. Он действительно называл Ли Лина братцем Лином, но только когда никого не было рядом. Сейчас он говорил то, что было безопасно.

Император некоторое время смотрел на него. Взгляд был острым, словно пытался прожечь насквозь. Юань-эр не отводил глаз. Он стоял и позволял отцу смотреть на себя, потому что Ли Лин сказал:

— Чем ты спокойнее, тем меньше он будет подозревать. Только виноватые прячутся.

Прошло много времени — или, быть может, всего несколько мгновений, — и император отвел взгляд.

— Эти слова, — спросил он, — кто тебя научил?

Юань-эр посмотрел на него, выговаривая каждое слово:

— Отвечаю отцу-императору, никто не учил. Всё, что я сказал — правда от чистого сердца.

Он помолчал и добавил:

— Я прожил в холодном дворце семь лет, никто меня ничему не учил.

Это была правда. Мать умерла рано, никто его не учил. Евнухи и служанки обходили его стороной, никто его не учил. То небольшое, что он умел, было привито матерью, пока она была жива, и еще... еще тем человеком. Но об этом он сказать не мог.

Император смотрел в его глаза. Они были чистыми, спокойными, без тени лжи. Семилетний ребенок не смог бы так спокойно лгать. Если только он не говорит правду.

Император помолчал, а затем вдруг улыбнулся. Улыбка была едва заметной, мимолетной, но её увидели все в зале. У них внутри всё оборвалось. Император улыбнулся. Это был недобрый знак.

— Хорошо, — сказал император. Всего одно слово.

Затем он повернулся к главному евнуху:

— Того, что из Управления внутренних дел, проверить. Тех, что из Восточного двора, тоже. Кто бил, кто приказывал — каждого, до последнего.

Главный евнух поспешно поклонился:

— Слушаюсь.

— И еще, — добавил император, — в холодном дворце сменить людей. Все положенные нормы довольствия — обеспечить. Впредь выдавать каждый месяц, как положено. Если не хватит хотя бы одной монеты — спрошу с тебя.

На лбу главного евнуха выступил пот:

— Слушаюсь, слушаюсь.

Юань-эр стоял и слушал. Он знал — он победил. Не он, победил Ли Лин. Тот человек просчитал каждый шаг. Он предвидел насмешки, предвидел сомнения, знал, какие вопросы задаст отец, и знал, как на них ответить. Даже на последний вопрос отца он знал ответ.

Он говорил: Чем спокойнее ты будешь, тем меньше он будет подозревать.

Он говорил: Скажешь, что никто не учил, — и он поверит. Потому что семилетний ребенок не сможет сочинить столь гладкую ложь.

Он говорил: Просто стой там, скажи, что должен, а остальное не твое дело.

Всё оказалось правдой.

У Юань-эра возникло странное чувство. Как этот человек всё знал? Как он знал, что спросит отец? Что скажут люди? Как он должен ответить? Казалось... казалось, он всё это заранее просчитал.

Юань-эр украдкой взглянул в конец толпы. Там, в самом конце, на коленях стоял Ли Лин, опустив голову так, что лица не было видно. Но Юань-эр знал, что он там. Он всегда был там. Как он и обещал: Что бы ни случилось, я буду стоять за твоей спиной.

Юань-эр отвел взгляд и посмотрел на отца-императора. Тот смотрел на него, и в его глазах появилось что-то новое.

— Седьмой, — сказал он, — впредь, если чего-то захочешь — говори прямо.

Юань-эр замер. Он вспомнил слова Ли Лина:

— Завтра император может спросить, чего ты хочешь. Не проси вещей, попроси только об одном.

— О чем?

— Скажи: я лишь хочу почаще приходить к отцу-императору.

Юань-эр повторил это:

— Я... — он помолчал, голос его был тихим, — я лишь хочу почаще приходить к отцу-императору.

Император смотрел на него, и что-то в его глазах дрогнуло. Прошло много времени, прежде чем он кивнул.

— Хорошо, — сказал он.

Снова это слово. Но в этот раз Юань-эр уловил в нем иной смысл.

Ему вдруг захотелось заплакать. Не от обиды, а потому, что тот человек оказался прав. Каждый шаг — всё верно.

Он стоял здесь, перед всеми, произносил эти слова, совершал эти поступки. Но он знал, что здесь, на этом месте, его поставил другой человек.

Тот человек сейчас стоит на коленях в конце толпы, опустив голову, и никто не видит его лица. Но он знал, что тот человек слушает. Слушает каждое его слово.

Юань-эр сдержал слезы и выпрямил спину. Еще не время плакать.

Ли Лин стоял на коленях в самом конце толпы, низко опустив голову, так что лица его никто не мог разглядеть. Но уголки его губ непроизвольно поползли вверх.

Получилось.

Он смотрел, как маленькая фигурка стоит перед императорским столом, как он с достоинством

отвечает на колкости, как под взглядом императора спокойно жалуется, как произносит слова с нужной интонацией.

Эффект превзошел все его ожидания. Он учил мальчика, что говорить, как отвечать, как вести себя в разных ситуациях. Но он не учил его этим взглядам, этим паузам, этой обезоруживающей прямоте. Это было врожденным. Этот ребенок был рожден, чтобы стоять здесь.

Улыбка Ли Лина стала шире, но он тут же подавил её. Сейчас не время улыбаться.

Взгляд императора скользнул по нему — просто мимолетный взгляд, без остановки.

<http://bllate.org/book/18783/1823133>